

Путешествие в Чад

Площадь страны: 1284 тыс. кв. км.
Население: 13 млн. человек.
1965-1979 гг. Первая гражданская война.
2005-2010 гг. Вторая гражданская война.
Одна из беднейших стран мира.

Чад – одна из самых затерянных, малоизвестных и, в то же время, интереснейших стран мира. В Африке существует закономерность: чем дальше пробираться в глубь материка, тем больше не изведанного и тем больше встречается препятствий. Чад, ЦАР (Центрально-Африканская республика), Конго (Заир) – сердцевина континента, и эти страны наитруднейшие для путешествия. Чад природой и людьми представляет, в известном смысле, всю Африку. Юг страны занят в основном саваннами, вся середина и север уходят в Сахару. На юге живут чернокожие африканцы, на севере – светлокожие арабо-берберы. Все они представляют удивительное многообразие народностей. С юга на север меняются природные области: джунгли, саванна, сахель, пустыня. Саванна встречается типичная и не типичная, поросшая многосортными пальмами и акациями, а Сахара по красотам и многообразию пустынь здесь самая необыкновенная из всех стран. Огромнейшее озеро Чад подпирает высокие дюны песка и является особой географической областью. Чад – бывшая колония Франции занимает в три раза большую территорию, чем прошлая метрополия. Пространства кругом необъятные; дороги плохие и те есть только на юге. Большие расстояния и бездорожье не главные препятствия для путника. В срединной Африке часто бывает опасно продвигаться из-за войн, бандитизма и полицейского произвола. В Чаде на сегодня не столько опасен бандитизм, сколько создают препятствия военные и полицейские посты. На постах никого никуда не пускают без специальных разрешений, и еще домогаются денег. Страну посещают немногие путешественники и о ней нет никакой достоверной информации. В интернете все сведения турфирм на 99% бредовые, а к ним для украшения прибавлена поэтическая фантазия Гумилёва о жирафах, которых на великом озере нет. Конечно, за умопомрачительные деньги можно купить тур, который наверняка окажется банальным, потому что обставленный богатым сервисом турист будет отделён от обычных людей. Джипы, носильщики, кормильщики, гиды с верблюдами, охрана с автоматами и отель на пять звезд в столице – это не страна и её жизнь, а амбициозный в колонизаторском стиле туризм. Такие туры для помпезности называются экспедициями. «Экспедиции» стоят 5-7 тыс. евро за двухнедельное пребывание. В общем: страна природой и людьми уникальная, а путешествовать самостоятельно по ней почти невозможно.

Подготовка путешествия.

Виза в Чад труднополучаемая. А получив ее надо знать, что на этом бюрократические препятствия не заканчиваются, а только начинаются. О визе можно не рассказывать, чтобы не удлиннять текст – это привычная для всех процедура. Но есть ещё две бумажки, которые вытянут душу. Без них никуда невозможно ехать. Итак, нужны: виза, кроме того, специальный permit (разрешение) и разрешение на фотографирование в стране, если есть желание фотографировать. Нарушать что-либо чревато – можно угодить в тюрьму. Мои хорошие знакомые Сергей Лекай с женой Ольгой Смирновой месяц находились в тюрьме в Конго, а

известному многим Антону Кротову не удалось проникнуть в Сомали, и на обратном пути уже в Эфиопии его тоже подержали в «зиндане».

Для надежности, будучи в Москве я выхлопотал на самого себя особый документ с гербовой печатью: рекомендательное письмо на французском языке от посла Чада. Мечта вынашивалась давно, и нужно было обстоятельно подготовиться в труднодоступную страну. Послу я подарил книгу о нашем семейном годичном путешествии по Африке, показал африканские фотографии других стран, и пообещал фотовыставку в посольстве после путешествия. В посольство нельзя приходить без заготовки текста, уже переведенного на нужный язык. Если же остается только подписать и поставить печать, то такую приятную работу можно и выполнить. Это должно быть рекомендательное письмо, с некоторыми похвальными целями и с указанием самых нужных мест и районов. Вероятность получения рекомендации велика, поскольку африканские послы менее заносчивы, чем послы в богатых странах. В письме подчеркивалось, что я хочу, прежде всего, посетить северные регионы.

Почему север Чада? Потому что – это сердце Сахары. Даже если посмотреть по карте на плато Тибести, то видно, что это не меньше, чем побывать в кратерах на Луне. На Тибести тоже кратеры. А ещё есть удивительное плато Эннеди, другие плато, изрезанные монументальными рельефами. На Эннеди ещё в 60х годах XX века в водоемах между скал были обнаружены европейской наукой крокодилы, живущие там по сегодня. Сахара, и вдруг крокодилы: словом, край чудес!

Но сначала скажем о Сахаре в целом. Пять крупнейших стран (после России) имеют относительно одинаковую площадь, от 8 до 9,5 миллионов кв. км: Канада, Китай, Австралия, США, Бразилия. Сахара такой же величины, как любое из этих государств. Вопреки общепринятым представлениям эти необъятные пространства только на 30 % песчаные и в ней много глиняных и скально-каменистых разноцветных рельефов. В величайшей пустыне много отдельных собственных пустынь и каждая область сохраняет исключительно свой образ и характер. В песках Тенере (Нигер) протяженностью 800 на 600 км вырастают самые высокие до 350 метров дюны. В нагорье Ахаггар (Алжир) повсюду встречается древнейшая наскальная живопись людей, выходящих из первобытности (4, 7, 10 тыс. лет до н.э.). Эти рисунки выполнены с поразительной художественной пластикой. Удивительны оазисы Фецана (Ливия), где среди песков выступают озёра. А каковы древние города-ксары Уалата и Шингетти в Мавритании! В этой же стране находится древний кратер «Глаз Сахары». В Египте, насквозь туристическом, крайне редко кто попадает в окрестности оазиса Фарафра, где из белейшего известняка торчат огромные скалы, грибы, пальцы, выступающие истуканами над безжизненной гладью пустыни. А в Мали, похожей по форме на бабочку, большее крыло уходит в Сахару и там десятки отдельных пустынь. А в Судане...

На любой школьной карте выделяются три нагорья величайшей пустыни: Ахаггар, Тибести, Дарфур. О них никто ничего не знает, потому что воспринимаются они, как недоступный мир. Все три нагорья между тем поднимаются выше трёх тысяч метров. Зимой на вершинах здесь нередко появляется снег. В Сахаре – и снег! Среди всех перепадов разнообразного рельефа выделяется нагорье Тибести со множеством вершин и древнейшими кратерами. На склонах этих кратеров есть минеральные источники, в том числе и горячие.

Высшая точка Тибести, она же высшая точка всей Сахары – вулкан Эми-Куси (3415м) с кальдерой 13 км в диаметре и глубиной 300 метров. Вся Сахара исключительно многоликая, но в ней есть большие безотрадные пространства, например, впадина Боделе в Чаде. Однако и такие области могут быть богатейшими сырьём. Великая пустыня содержит разнообразные недра, притом многие её регионы до конца не обследованы. Сахара привлекает к себе из другого мира воротил-капиталистов и здесь уже начинается политика: войны, бандитизм, разнузданная полицейщина, от которой тесно проживающим там народам. И туристов туда не пускают.

Перелёты по Африке.

Билет в Африку у меня был не стандартный: туда – в Намибию мы летели вместе с Леной-женой; обратно – из Чада я возвращался один. В Намибии я работал с группой в качестве гида, а затем долго перелетал в Камерун, чтобы самостоятельно путешествовать по Камеруну и Чаду. На пути самолёт больше, чем на сутки застрял в ЮАР. После этого будут еще перелеты в Найроби (Кения), дальше Убанги (ЦАР) и наконец, Дуала (Камерун). Можно лететь по-другому: назад в Европу, а затем снова в Африку в Камерун. Почему так запутаны перелеты по континенту? Так, видимо, сложна конкуренция в авиабизнесе между европейскими и африканскими компаниями. В Йоханнесбурге (из-за задержки самолета) меня поселили в дорогущий отель с посетителями на редкость чопорными и собранными из разных стран мира. Весь шик с ресторанными обедами оплачивала авиакомпания. Было как-то смешно: ехать с палаткой в Чад, а перед тем, так размяться в пяти звёздах.

Камерун-Чад: на этом маршруте от экватора в тропики происходит перепад из самой влажной точки на Земле в иссушающую Сахару. И ещё, эти страны пересекаются по великому озеру, о котором нельзя не мечтать, глядя на карту. Во всех странах Африки есть русские общины, правда маленькие. Представляете, земляки в Камеруне! Это не то, что в Испании или Германии: там наши люди боятся друг друга. В Камеруне в Дуале мне повезло познакомиться с Ириной Чуисанг и ее мужем Жаном, которые создали школу, где преподаются европейские языки, в том числе и русский. Ольга Гоголина из Яунды – еще такой же замечательный человек, познакомила меня с одним из бизнесменов Чада. Находить русские общины можно по интернету. В них нередко встречаются энтузиасты, пропагандирующие российскую культуру лучше, чем официальные представительства. Бизнесмен из Чада прочел рекомендательное письмо посла своей страны и пообещал мне «лучший прием, чем в любой другой стране».

Из Камеруна затем был так же ещё один перелет в Нджамену – столицу Чада, куда самолет прилетел в час ночи. Меня встретил «брат» бизнесмена и повез в отель «Ибис». Там предложили сразу заселяться, но я спросил про цену. Считали долго, сделали «хорошую скидку» и насчитали около 200 долларов за ночь. Надо же, думаю: нахожусь в Африке и опять влип на 5 звезд. Плюнувшись про себя я уехал в отель за 25 долларов; для меня и это дорого. Сразу оговорюсь, бизнесмен мне все-таки помог впоследствии. Раз пять в общей сложности я ночевал бесплатно в тихом хостеле, стоимость которого была около 30 долларов.

Россия – Чад.

Утром началось знакомство со столицей. С изумлением я увидел в Нджамене транспарант о Российско-Чадском экономическом форуме. Знакомый бизнесмен был одним из организаторов этого форума. Суть форума осталась мне не известной, но я подарил к мероприятию некоторые большие фотографии 30 на 45 см с зимними пейзажами России: пусть чадцы удивляются снегу.

Предварительно я списался с российским посольством, куда и направился на другой день. Наше представительство в Нджамене за колючей проволокой, немалое по территории, но живут там всего три официальных представителя, и приходит обслуга из местных жителей. Посол предложил мне ночлег за 70 долларов. И еще, он был не против сделать фотовыставку из моих фотографий, чтобы украсить посольство (с собой я привез около 40 фото размером 30 на 45 см). Меня стыдилась другая молодая дипломат из-за жадности посла. Я отказался от дорогой гостеприимности и не смог не спросить: не скучно ли втроем в нескольких зданиях?

Регистрация, пермит, разрешение на фотографирование.

Прилетев в Чад, иностранец не сразу узнаёт, что нужно ко всему оформить регистрацию в эмиграционной службе. Регистрация займет, может быть, час, а может и весь день, а вот получение пермита (особое разрешение) разворачивается в эпопею. Без пермита – никуда! Невозможно хоть чуть-чуть отъехать от столицы: кругом военные посты через каждые 5-10 километров. В разрешении указываются все пункты на маршруте, и в неназванные места даже с пермитом попасть невозможно. В России, кстати, тоже нужны как в Африке пермиты в районах погранзоны и регистрация для иностранцев.

Нджамена единственный город в стране в понимании европейцев. В нем 700 тыс. жителей и строгая по квадратам планировка с широкими улицами. Дома не высокие и за большими заборами. Есть и высокие современные постройки. В городе в сравнении с африканскими столицами чисто, но если тянет ветерок, то пыльно от Сахары. Автомобильных пробок почти не бывает, хотя транспорта и не мало, особенно мотоциклистов. На улицах много военных и полицейских; они нередко проскакивают на автомобилях и бронемашинах с автоматами, пулеметами и даже пушками. Передвигаться по столице безопасно. За доллар или два можно доехать на мототакси почти в любую часть города. Только нужно оговаривать стоимость поездки, чтоб не возникло претензий, какие бывают к богатым иностранцам.

В столице среди прочих учреждений есть культурный центр «Баба-Мустафа», в котором директором работает женщина, выучившаяся в Москве и прожившая там 14 лет. Ее зовут Найбе, она высокая ростом, одета в колоритное платье и яркий головной убор. Меня выслушала внимательно. Ей было известно, какие меня ждут препятствия, и она знала, что не в её силах мне помочь (это я понял позже), но взялась помогать. Оформив регистрацию, я начал долгие хождения по кабинетам министерства туризма, министерства коммуникаций и еще в какие-то здания, сути которых было трудно понять. Дело в том, что пермиты для туристов делают турфирмы, а для туриста, который хочет ехать сам – такого прецедента не было. Да и на чем он поедет в Сахару? С турфирмами все ясно: их немного, в министерствах боссов турфирм все знают. Они заплатят положенные пошлины, заплатят по-свойски хорошие взятки, поселят туристов в отели (и там заплатят), и оттуда повезут на джипах смотреть

Сахару. Туризм дороже пяти тысяч евро – опробованное дело. Гербовое письмо посла вызывало уважение ко мне у чиновников, но для пермита оно ничего не значило: нет такой инструкции, выдавать пермит по письму. И я ходил и ездил три дня по разным кабинетам и зданиям. Трудился, чтобы получить всего одну бумажку. С дури я еще подал заявление на разрешение фотографировать. Это заявление пошло по кабинетам и дошло до ... по-нашему сказать, до ФСБ.

Процедура получения пермита очень сложная. Собираются в нескольких ведомствах подписи от важных чиновников, заседающих в разных зданиях. Эти здания раскиданы по городу. Переносить папку с пермитом и ещё какими-то дополнительными справками уполномочен посыльный работник министерства туризма. Этот посыльный, как специально, чтобы медленнее продвигалось дело, был сильно хромой. Жара 45 градусов, и мы с одной папкой вдвоем вышагиваем, не спеша по улицам. Я злюсь на бюрократию..., но ведь все, как у нас в России, разве что более колоритно и менее озлобленно. Перед поездкой в Чад мне нужно было бегать по коммунальным службам с оплатами, и еще добиваться (который год) разрешения на перепланировку квартиры.

Препятствием был и французский язык, но не тотальным: поспрашиваешь, и кто-то находится с английским. На третий день, несмотря на досаду, мне казалось, что я уже живу в Чад и знаю многих людей. У меня были даже сочувствующие. Разве это уже не путешествие, не познание страны и людей? Но хотелось все-таки выбраться на просторы из города. Ночью в гостинице я с тоской рассматривал детали карты и вздыхал по Сахаре: никакой географ не изучает так географию, как путешественник в дороге.

Иногда Найбе посылала со мной ходить по кабинетам своего родственника. Также она меня познакомила с тремя музыкантами и одним художником, весьма интересными людьми. И еще познакомила с полковником ВВС, который выучился в Сызрани в высшем летном военном училище. Его зовут Умар, одет он был скромно по-граждански. Характер у него строгий, приказной и он хочет знать точно мои цели путешествия. Я подумал, что теперь уж точно влип: за шпиона посчитают. Но ведь мы разговариваем по-русски. Я стал его убеждать, что мне нужен самостоятельный маршрут, а не банальный и дорожный тур. На это он несколько раз возражал:

– Это же Чад! Или ты сможешь ездить везде как местный?

С пермитом Умар помочь не брался, но обещал помочь с перелетом в какой-нибудь посёлок в Сахаре на попутном военном вертолете или самолете.

– Сколько это будет стоить? – спросил я.

– Это будет стоить «Спасибо».

Умар оставил свой номер телефона и ушел. А Найбе стала звонить в очередной раз в министерство туризма и хлопотать за меня.

Я тоже пытался действовать. Отдал 50 долларов, как только мне намекнули на бакшиш (это подарок, а не взятка), но меня за эти деньги всего лишь передвинули на два кабинета дальше. Кстати, на улицах Нджамены, как в Питере и Москве, висят транспаранты, призывающие к борьбе с коррупцией, только на французском языке. Последнюю подпись и печать мне долго не ставили, да и невозможно знать какая подпись будет последней.

Посыльный передает папку очередному секретарю, а секретарь чего-то тянет и непонятно намекает на деньги. Бакшиш в долларах не скромный и не решает дела до конца: можно было даже подозревать, что секретарь не делится подарками с начальником. Как только секретарь куда-то отлучился, я скользнул в кабинет к «Боссу». Босс легко подписал уже потерянный в кабинетах пермит, поставил не печать, а свою фамилию печатью и документ был готов. Свобода! В пермите была указана транспортная компания, с которой я якобы поеду. Никто в Сахаре не собирался, но для формальности написали все как положено. Может быть так попросила Найбе, чтобы быстрее добиться подписи. А разрешение на фотографирование так и не успели утвердить до конца моего пребывания в стране.

Озеро Чад с юга и река Шари.

На путешествие по стране у меня всего 3,5 недели. Из них 3 дня убиты на пермит. Но между беготней по министерствам я дважды вырывался на окраину города и на другую сторону от реки Шари. Река многоводная и широкая. Без нее бы озеро Чад испарилось от Сахары. Через реку выстроен высокий пешеходный мост, по которому идут пешеходы и носятся мотоциклы. На мосту решил на пробу сделать фотографию. На меня с удивлением посмотрели, но не накричали, как было когда-то в Конго. С моста я спустился к берегу реки. Фотографировал двух рыбаков – тоже не кричат. Стал фотографировать крестьян. Эти совсем скромные и стеснительные: тем более не возражают. Но пришел их староста и стал возмущаться... Однако после прочтения письма посла пригласил выпить местного пива. Пиво наливают из обожжённого кувшина и подают каждому полную кружку. Я не пью спиртного, но куда деваться: наглеть фотографировать и не уважать гостеприимство. На полкружке почувствовал быстрое опьянение. Да это же брага! Мне подлили еще, а у меня в кармане все деньги на поездку. Крестьяне отнеслись к иностранцу с уважением - не побрезговали их напитком. Когда староста ушел, мы сфотографировались вместе.

С пермитом на другой день рано утром я собрался на озеро Чад, которое не столь далеко от столицы. Найдёт ли Умар самолет в Сахаре? А если найдёт, то, когда? Но куда ехать на озеро? Нужно назвать конкретное место. Карта, которую я купил в Германии, лучшая из всех и все-равно она совсем не точная. Поселки по карте, которые я называл находятся не у озера. Автовокзалов в городе много, называются они парками (автопарки), их нужно было объехать, чтоб понять откуда и куда ехать. К великому озеру можно подъехать с севера, но для этого нужно иметь не меньше четырех дней. Южная часть намного ближе. Объяснялся часа полтора: мне нужно только попасть к берегу и увидеть озеро Чад.

– А куда ехать? – снова спрашивают.

Вроде бы у воды есть поселок Гите. Значит мне в Гите. Добрался я в итоге быстро, всего за 4 часа следующим маршрутом: Нджамена – Джермайя – Мани и через 12 км Гите (Guitee).

Гите еще не озеро. От деревушки идет канал, по которому уходят моторные лодки. Окрестности Гите ярко-зелёные, на полях растут калабасы (африканская тыква), картофель (потато), помидоры. Кроме того, здесь много плодовых деревьев, а по пойме канала стоит лес. Все фотографии, которые мне пришлось видеть в интернете, сделаны около грязных берегов. На самом деле, и по каналу, и на озерных островах чисто, свежо и зелено. Куда-то отправлялась моторная лодка с людьми: я сел в нее, как будто и мне туда надо. Через полчаса

лодка вышла на большую водную гладь. Лодки ходят из деревни в деревню и все эти поселения не обозначены ни на каких картах, тем более в Google.

На озере кипит жизнь! Все берега, это густонаселенные районы. Стоят камышовые хижины и глинобитные; к ним нет дорог – связь только по воде. На пологих островах, очень больших по площади, пасутся черные и бурые коровы, есть ослы, стада коз, лошади. Над озером летает много птиц. Озеро красивейшее во всех местах, где мы плывем. Женщина с ношей на голове не идет, а плывет. Подальше пастух в чалме и около него коровы. А какие огромные рога у коров! Каждый рог больше метра; иногда рога поменьше, но толстенные. Такая порода встречается только в срединной Африке. Сидя в лодке, длинным зумом я фотографирую жизнь на берегу: повыше бы, конечно, лучше забраться. Сидячих в лодке фотографировать нельзя.

В поселочке, куда мы прибыли, стоит около 20 лодок. Поселок называется Кинасарам, а из него плывут в Кофию и дальше. Лодки 5-8 метров длиной, очень архаичные, но на некоторых стоят японские моторы, а которые поменьше – весельные. Дети не сбегаются на чужака; при виде фотоаппарата удивляются, кто-то даже испуганно бежит от объектива. Фотографирую как будто бы лодки, но широким объективом цепляю также и жителей. Является вдруг полицейский и с ним, наверное, староста. Читают долго пермит, а затем письмо посла Чада. Письмо им больше нравится, потому что там написано о фотографиях для фотовыставки в посольстве. Час времени потеряно, но «это же Чад!» Потом меня оставили, и я уже фотографировал не в деревне, а по берегам.

Как бы теперь назад выбраться? Через пару часов объявилась лодка, возвращающаяся в Гите. Обрато мы отправились другим путем. Лодка была груженной и в нее добирали еще грузы. Узкий канал в нескольких местах преодолевали волоком. Все выходили из лодки, дружно упирались и проталкивали по мелкой воде и грязи судно. Наверно, так ходили «из варяг в греки» русичи.

Возвращаться от озера до Нджамены недалеко, но ехать долго. Трясемся на разбитом автобусике; народу в нем набито полно. Маршруткам многим может быть 50 лет, и они 50 лет стучались друг о друга. Провода в кабине торчат кучей и мешают шоферу, коробка передач вся наружу, а стекла со всех сторон в трещинах. Нас обгоняют дорогие машины, но в основном транспорт по дороге разбитый. Много военных постов. Наш народный автобус постоянно останавливают и проверяют у каждого пассажира документы. И тут вдруг видят шального иностранца. Из-за меня держат автобус больше обычного: читают пермит, обсуждают написанное, и автобус по кочкам прыгает до следующего поста. Чтобы водители машин не разгонялись, через каждые 500 метров устроены «лежачие полицейские». Кроме машин по дороге движутся пешеходы, также всадники на ослах и верблюдах и даже повозки на быках. Я стал считать, как далеко по Чаду смогу уехать за три недели. Перелетов по стране нет, кроме спецчартеров на юге, нет ни одной железнодорожной ветки, нет автобусов и даже дорог дальше Абеше. Полное отсутствие дорог в Сахаре, которая составляет 2/3 территории страны, тоже не утешает. Чего доброго, к самолету домой не успею. Но ведь еду же куда-то и людей много вижу. А верблюды, как за обочиной вышагивают! Их много, они пасутся по

одному, лежат гуртом и встречаются на протяжении всего пути. И это еще не Сахара, это сахель – переходная природная полоса между тропиками и пустыней.

Страдал вечером у карты: вот бы улететь в Бардаи и попробовать дальше пробираться по Тибести. Там тоже живут люди и передвигаются между оазисами на стареньких джипах. Оттуда бы через Файя-Ларджо выехать на Эннеди. Это большая мечта! Умар молчит, рейса, видимо, никуда не ожидается. Узнал вдруг, что в Сахаре намечается фестиваль в деревне, откуда вышел президент. Но кто-то сказал, что его отменили. В министерстве туризма толком об этом не знают. Хотя где еще должны знать о фестивале? Будет фестиваль, не будет, но это тоже далеко в Сахаре. Да и что это за фестиваль? Опять с утра отправился в один из южных автопарков, чтобы уехать в деревню на реке Шари. Снова трясемся в народном автобусике и снова военные посты.

Разговариваю в автобусе с соседом. Он едет на рынок. А в какой деревне рынок? Может и мне надо туда? Но сначала лучше доехать куда собрался. Останавливаюсь в поселке Майлао. На берегу лодки, женщины стирают белье, рыбачка распутывает сеть на песке. Несколько мальчишек прыгают с берега в воду, борются с течением и выбирают обратно. Река широкая, может метров 250, глубоководная и быстрая. Вода чистая – иду тоже купаться. Пофотографировал берег и уже около меня деревенский староста. Даю ему копию письма посла и ухажу фотографировать мальчишек.

На рынке.

Голосую на дороге, и подсаживаюсь до деревни, где рынок сегодня. В микроавтобусе сидят подростки и несколько девушек повзрослее. Они дружно поют: одна запекает, другие подхватывают. Поют слаженно и ритмично. Запевалы сменяются по очереди и глаза у всех сияющие. Кто они? Живые все, не капризные, умненькие! Но мне выходить, а они поехали с песнями дальше. Страна удивительно разная!

В деревне сразу спрашиваю про полицию. Захожу в помещение, показываю письма. Полицейский звонит кому-то и является целая делегация: военный, староста, племенной вождь, еще кто-то. Письма долго изучаются и мне дают добро. Фотографировать южнее Нджамены легче. Полиции много, но она менее приставучая.

Рынки раз в неделю по определенным дням традиционны по всей Африке. Они всегда колоритные, потому что собирают разноплеменную публику окрестных деревень. Народу в деревню прибывает не меньше тысячи человек, и для базара есть большая поляна с шестами, на которых соломенные или пальмовые навесы от солнца. Лица, одежды, люди очень яркие и базар пестрит красками. Проходят высокие африканки и дородные, или низкорослые, но весьма статные. Есть лица на редкость выразительные и запоминающиеся: с них нужно писать картины. Вижу красавицу. В ее лице много характера. Такие лица и такая стать могут быть только у людей, живущих близко к природе. О своей красоте девушка не знает и собой не любит из-за скромности. Подходят на рынок подростки-девочки, юноша и с ними во главе женщина; на головах у всех – товары для продажи. Товаров у каждого килограмм по 15-20 и тяжести они не замечают: разве не поэтому африканцы столь пластичные и хорошо танцуют. Еще одна молодая женщина. На ней головной убор инопланетянки и у неё очень зоркий

взгляд. Она могла бы быть актрисой и играть главные роли в фильмах. Одежда ее необычная и она выделяется из всех. Какая же это народность?

Чад – калейдоскоп народов. Народы различного образа жизни: люди из пустынь, лесов, саванн, живущие у берегов рек и озер, оседлые и кочевники мигрировали и перемешивались тысячелетиями. Они из разных языковых групп и рас представляют две большие субкультуры светлокожих и чернокожих африканцев. Сейчас крупнейшая народность сара, проживающая на юге страны, составляет 28%; родственные им земледельцы багирми, хауса, маса тоже относительно многочисленны. Арабы, туареги, и тубу кочуют по Сахаре. Арабы составляют 12% населения и являются вторым по численности народом. В стране более 200 народностей, которые говорят на 120 языках и диалектах. На севере распространён арабский язык, а общим языком в стране – в основном для образованных слоев – является колониальный французский. История Чада малоизвестна и остается даже для ученого мира запутанной и труднодостижимой. Путешественник, собравшийся в Африку, много возьмет для себя, если прочтет почти раритетную книгу известного советского африканиста А.М. Кобищанова «Африка в древнейшем мире». О Сахаре и ее жителях полезно прочитать «Туареги Тассили» Анри Лота, который жил и работал много лет на юге Алжира: сахарцы в разных странах сохраняют схожий образ жизни.

В Нджамене.

Вернулся в Нджамену. На центральных улицах сидят люди в тагельмустах (чалмах) и халатах. Это приезжие из деревень и беженцы из Судана или ЦАР (Центрально-Африканской республики). Беженцы есть во всём мире, а не только в Европе, как мы считаем. И не удивительно: мир обстоятельно готовится к третьей мировой войне, которой предшествуют локальные войны по всем континентам (Югославия, Ирак, Ливия). Эти гонимые люди около заборов и даже около чужих домов жгут костры и готовят себе завтрак. На трех камнях стоит кипящий котелок или алюминиевый чайник. Человек шесть-семь из одного подноса едят руками сваренное: рис с мясной или бобовой подливкой. Вместо риса иногда бывает другая крупа, например, сорго, кукуруза, маниока. Выглядят они довольно чисто одетыми. Большинство их чернокожие, невысокого роста, одежда на них по покрою, как у типичных сахарцев. Иногда я подходил к таким приезжим, чтобы спросить про учреждение или дорогу. Они добродушно отвечали двумя-тремя словами или показывали рукой направление. Сносно говорящих даже по-английски в Чаде больше, чем в России.

Был сегодня на городском базаре. Там, как говорится, надо держать карманы пошире: в стране много нищеты, а значит и карманников. Мальчишки лет десяти-двенадцати бегают с мисками и собирают остатки еды у столовых или уличных жаровень. Они не мешают тем, кто ест, и терпеливо ждут, когда им что-нибудь перепадет, например, жаренный в масле комочек теста. У одного продавца – ему лет 12 – я купил варенный на молоке сахар и угостил рядом стоящего мальчонку. На сахар накинута вся детская толпа, и у продавца-подростка тоже расхватили остатки сахара. Кинулись так дико, что на шум пришел полицейский. Мне стало стыдно, поступил как типичный глупый турист. Когда проходил около здания-крепости американского посольства с монументальным забором и колючей проволокой, не мог не сопоставлять посольство богатейшей державы и нищих детей бедной страны. Дети с мисками

и посольство с изощренной охраной – это миропорядок всей планеты. Полной нелепостью и умопомрачительным контрастом к общей нищете страны стоят отели Hilton, Sheraton, Radisson и другие, которых в Нджамене не мало.

В городе лучше не нарываться – не фотографировать. Слишком много военных и полицейских, кто-нибудь да прицепится. Хотя какие сцены на каждом шагу! Прямо на улице на коврик молится военный и сбоку от него на треноге стоит мощный пулемет. Какой бы кадр вышел! Но обидится еще... В Нджамене немало мусульманских мечетей и христианских церквей, в том числе и со времён колонизации.

С самолетом не ясно. С утра хочу собраться и отправиться на восток в Абеше. В нацпарк Закума заезжать не стоит. Разве интересен в Чаде нацпарк в саванне, если здесь самая рельефная Сахара. Из Абеше куда-нибудь попробую уехать на север... Неизвестно куда удастся выбраться ползучим темпом, но хотелось бы попасть в Эннеди. Вообще-то, в первую очередь, хочется попасть на Тибести – в сердце Сахары. О Сахаре повторяю. Самыми ошеломляющими ее ландшафтами можно назвать: хребты Ахаггар (Алжир), дюны Тенере (Нигер) и особенно нагорье Тибести (Чад). Посетить хотя бы один из этих районов всегда было очень сложно, а сейчас особенно – после войны с Ливией.

Перелёт в Сахару.

...В два часа ночи позвонил телефон. Это Умар. Нужно срочно собраться на самолет направлением Файя-Ларджо в Сахару. Там я могу быть только день – и на самолете обратно. Рюкзак, спальник и всё прочее не нужны: только фотоаппарат в малом рюкзаке. Умар подъехал к гостинице в три часа ночи, и мы поехали по ночной Нджамене. Командир не в военной форме и на какой-то помятой машине, одет он в надорванную майку и старенькое трико! Он родственник президента? Полковник ли? В Нджамене много дорогущих джипов, а Умар на разбитой помятой машине. Подъезжаем к забору. Перед Умаром вытягиваются по струнке три охранника, открывают ворота. За нестройными заборами тянется короткая взлетная полоса и на ней два гудящих самолета. Меня сажают на один самолет, затем пересаживают на другой. Умар уехал, а меня пересаживал неразговорчивый человек в чалме. На борту военного самолета сидят молча, в форме и не в форме, вояки – все с автоматами западных образцов. По короткой лестнице в самолет поднимаются еще шесть богато одетых женщин разного возраста и двери закрываются. Самолет готовится к взлету. Спрашиваю у воина: сколько лететь до Фая, он замешкался и говорит, что мы летим не в Файя-Ларджо, а в Амджарас. Этого поселка нет ни на каких картах, но я о нем уже несколько раз слышал. Женщины не разговаривают между собой, воины тоже напряжённо молчат: может мне так кажется спросонья... Я начинаю чувствовать себя героем детектива. Дело в том, что в Чаде десятилетиями длились войны. Полномасштабная война остановлена, но все равно не спокойно на северных границах около Ливии, которую разбомбили и ввергли в хаос войска НАТО. Так же, иногда вылазками, дают о себе знать террористы Боко-Харам, которые концентрируются в четырех странах вокруг озера Чад (Камерун, Нигерия, Нигер, Чад) и переходят легко границы, трудно охраняемые в условиях Сахары. Не хочется беспокоить жену, но по договоренности надо ей позвонить. Я много бывал в Африке; труднее всего было в Конго (Киншаса). Таких труднопроходимых стран около десятка. Семейей мы тоже целый год

с тремя детьми путешествовали в 16 странах, передвигаясь на общественном транспорте. У нас нет истеричности на возможные опасности. И если я улетаю непонятно куда, то лучше позвонить, чтобы знать хоть какую-то информацию. В Нджамене я купил за 50 евро симку с интернетом и был со связью. Позвонил Лене, сидя в самолёте, и мы посмеялись над тем, что желать спокойной ночи нелепо. Самолет поднялся и за исключением нескольких человек все заснули. Спящие воины (многие в тагельмустах) и нарядно разодетые женщины на фоне большого салона французского военного самолета – тоже забавная бы получилась фотография. Но, куда летит вся эта публика, явившаяся ко мне как во сне. Фотоаппарат лучше не доставать – не поймут. Самолет приземлился через два с половиной часа в Амджарасе, где должен был открываться фестиваль. Я позвонил жене и сообщил, что детектив окончился.

Фестиваль в Амджарасе.

Амджарас – деревня, в которой родился сегодняшний президент Чада. Сейчас это большой административный поселок и по меркам страны современный. Его нет до сих пор почему-то ни на бумажных, ни на интернетных картах. Раз в году здесь проходит фестиваль. Приезжают сюда люди отовсюду на джипах; им нужно добираться по Сахаре несколько дней. Гостей всех кормят и поселяют в шатры бесплатно. Здесь можно фотографировать, и даже для этой цели приглашены иностранные делегации: алжирцы, тунисцы, марокканцы. Специально были приглашены французские журналисты, чтобы о фестивале знали в Европе. Окрестные пастухи прибыли на верблюдах и лошадях соревноваться в гонках. Гостей вместе с пастухами собралось около трёх тысяч человек. Фестиваль проходит и в поселке, и за его пределами – в пустыне. В 40 км от Амджараса будут гонки на верблюдах и скачки на лошадях.

Даже на празднике – полная непредсказуемость. Никому не известна программа. За все время пребывания в Чаде, ни в один день я не знал план следующих двух дней. Получу пермит или не получу? Получил! Уже съездил по деревням на реке Шари и был на озере Чад, улетел на военном самолете в Сахару и попал на фестиваль, а привыкнуть к африканской безопасности не могу. Она больше, чем русский «авось». Злюсь на себя за то, что не взял подзарядку к аккумуляторам для фотоаппарата – выезжал же на один день по обещанию Умара. Днем экономно снимал всадников с верблюдами и танцующих на скучной репетиции. Вечером народ гулял, ужинал, но ничего особенного не происходило. Ночью к 11 часам уже было тихо. Но часов в 12 начались шевеления. Кто-то вяло застучал в барабаны; засвистели на сопелках и заиграли смычками на своеобразных скрипках несколько музыкантов. В час ночи народ все прибывал и прибывал к центральной площади, где били уже отчаянные ритмы барабанщики. В два часа ночи барабаны вводили в раж огромную публику. И все танцевали.

Четыре барабана подчиняют ритмами всю публику, раскачивают ее. Низкий по тону звук врезается в душу, как колокол. По барабану колотят не палочками, а клюкой и, кажется, натянутая кожа должна не выдержать таких ударов. Кроме барабанов пронзительно свистят флейты и своеобразная скрипка; низкими нотами, похожими на храпение верблюда звучат трехметровые трубы. Дробь, глухая и звонкая, заставляет танцевать всех, и даже французских журналистов, которые никогда не танцевали. Народу много и публика разбивается на несколько групп по сотне и более человек. В каждом столпотворении разные танцы разных провинций. Больше все куража у музыкантов и танцоров провинции Лак. Не хотят уступать им

артисты провинции Канем. Более ста пар мужчин и женщин идут по кругу. Мужчины в плащах и каждый с саблей; женщины в разноцветных нарядах. Пары движутся, как на процессии. Ритм увеличивается с непостижимой постоянностью, затем также замедляется.

Более двухсот танцующих – исключительный ансамбль, каждая пара отличается от других особой индивидуальностью: глаза, улыбка, поворот головы, движение телом – все что-то значит и каждая пара по-своему рассказывает танец. Барабанщики под удивительные ритмы то наступают, то отступают от колонны и зажигают танцующих. Танец не скачущий, а шагающий. Каждый шаг артистичен, все движения – театр высшей пробы и никто из артистов не ходит на репетиции. Они артисты по праздникам. Мужчины все с саблями довольно длинными, машут ими во все стороны в ночи, и все благополучно. Саблю могут даже прикладывать нежно к плечу или голове женщины и все это в быстрых движениях. Разве могут люди, так называемой цивилизации, танцевать так ловко? Пожалуй, глаза привыкают. А здесь неловкость вызовет насмешку, навлечет позор. Страна более чем на 60% мусульманская, но лица у женщин открытые, в танцах они скромные и одновременно по-африкански раскованные. И все ярко нарядные. Праздник!

Прервался праздник тоже непредсказуемо: вдруг все натанцевались. Барабаны смолкли, народ повалил с площади. Стало тихо. Уже за этими танцами можно отправиться в Чад в отдельное путешествие, хотя бы только в одну провинцию. Сколько талантливой музыки и выдающихся танцев сегодня снято на телекамеры; еще намного больше – не отснято. А по телевидению во всем мире и по всем каналам забавляет людей попса с долбежкой на два тона. Мир развлекают «звезды», как будто нет таланта народного.

Утром, на довольно позднем завтраке французы были в шоке от ночных танцев, и от того, что они профессиональные журналисты ничего не сняли ни на фото, ни на телекамеры. Почему не сняли? Не ожидали... в программе не прописано. Они настраивались на работу в следующую ночь.

На другой день километров 30 от Амджараса на равнинной пустыне назначены скачки, конные и верблюжьи. В полдень температура около 45 градусов – «не жарко» для Сахары; после обеда и того меньше. Туда все болельщики отправились на джипах. Никто из водителей не откажет подвезти на место зрелища. Ездят все, обыкновенно, набиваясь сверху в кузов; джип здесь без кузова – не джип. Огромный автопарк собрался на склоне холма вместе со зрителями, а дальше в долине всадники на верблюдах. Джипы и верблюды: караваны пустыни сегодня. Недалеко финиш, а старт за много километров от болельщиков. Болельщики не редко с мобильными телефонами, но в нарядах из прошлых веков. В Африке много стран, где соседствует древность и сегодняшний день. На финише важные гости, в том числе и президент страны. Для этих гостей устроены шатры от солнца. Болельщики волнуются, встают на кузова и даже на кабины машин и приветствуют победителей.

Фестиваль охраняют военные; их много при полном вооружении, и они тоже на специальных джипах или на бронетехнике. Конфликты, войны, перевороты власти, убийства политических лидеров – дело обычное в странах третьего мира. Это не только политика внутренняя. Это прежде всего политика крупнейших держав по отношению к беднейшим: волчьё право сильного. Политика – это борьба за власть и богатства. В мудрёную возню

князьков и местных правителей всегда вмешивается гнилая мировая политика империализма, которая и теми и другими подаётся и оправдывается, как благие намерения. Народы воюют между собой за интересы своих угнетателей – и это называется патриотизмом, – не понимая, что патриотизм может быть двояким: великодержавным шовинистическим или действительно, за интересы угнетённых. Идеологами всех мастей настойчиво поддерживается мысль, что не надо разбираться в политике, а уж интеллигентным людям вообще незачем вмешиваться в политические дразги: политика – грязное дело. В тёмных сторонах политики народы мало ориентируются, и поэтому их легко столкнуть. Кругом воюют и больше всего в Африке. Кто знает, например, в России или в Европе, что во Второй Конголезской войне в 1998 - 2002 годы (Чад тоже участвовал в ней) уничтожено более пяти миллионов(!) человек? Кто возмущается этим? В интернете этот факт легко найти, разумеется, в завранном толковании. Или, кто знает о Буркина Фасо, где вдруг вместо воин наступила пора созидания (1984-1987 гг.), благодаря, прежде всего, усилиям Томаса Санкара. И что через 4 года его убили, потому что он мешал замыслам империалистов. На большом фестивале в Сахаре, глядя на расставленную повсюду военную охрану, от мыслей о мировой политике не отвязаться. А сказать в общем: в Африке весь миропорядок планеты проступает в более оголённом виде.

Я фотографировал то, что можно было фотографировать: собрание болельщиков с джипами, всадников на верблюдах и лошадях, лица людей. Военных лучше нигде не фотографировать. Зачем мне нужны фотографии вообще? О Чаде ничего не известно. Только текстами – рассказ получается скучным. В Африке много красочного в природе, в нарядах людей. И много яркого в лицах и характерах. Здорово, если удастся сделать хороший портрет. Но мне хочется не только находить портреты; нужна большая галерея удачных фотографий о стране, а это уже детальный рассказ. Сто удачных фотографий об Африке может быть лучше, чем даже толковая книга. А еще лучше: текстовый рассказ и фотографии вместе. Ведь что мы знаем об Африке, засыпанные конъюнктурными банальностями СМИ? Мы, россияне, смеемся над европейцами, которым кажется, что по Москве медведи ходят. Но у нас точно такие же представления об Африке! У наций побогаче, есть та надменность над более бедными народами, которая ослепляет нас высокомерием. После многих лет разъездов по миру мне не кажется, что у более обездоленных народов меньше достоинства или ума, чем у колонизаторов прошлых и сегодняшних. Как сильно об этом написал Толстой «Хаджи-Мурата», а Джек Лондон – «Мексиканца». Кстати сказать, фотографировать европейцев, а теперь уже и россиян не легче, чем африканцев. Люди цивилизованного мира боятся друг друга и отказывают в фотографиях не меньше, чем африканцы залетным туристам. Пожалуй, африканцы имеют больше внутренней свободы, они проще и открытее и фотографируются охотней при доверии, чем российский мещанин или европейский бюргер.

Уехать назад в Нджамену не трудно по окончании фестиваля: многие возвращаются через столицу. Но хочется не в Нджамену, а дальше в Сахару. Вот бы с кем-нибудь попасть на Эннеди! Но кто туда едет? Это восточное плато, расположено на границе с Суданом, где нет дорог и больших поселков. Надо пробовать попасть в поселок Фада. По меркам ненаселенной Сахары такие поселки – это города; их несколько, и они являются административными

центрами больших областей. Прошел слух, что алжирцев и тунисцев вместе с французскими журналистами повезут куда-то, чтобы показать Сахару. А куда? Можно ли к ним навязаться.

Умар знакомил меня в аэропорту с Хисейном, своим родственником. Хисейн, полная противоположность Умара: молчаливый, с мягким характером. Он тоже прилетел на фестиваль и сразу уехал на встречу с президентом(!). Утром третьего дня я позвонил (по визитке) Хисейну, который вдруг подъехал за мной и привез меня в гостиницу к министру туризма. Среди нескольких представительных особ министр был, очевидно, меньшим по рангу. Заговорили они между делом и обо мне. Я осмелел, и тут же достал из рюкзака для фотоаппарата письмо посла Чада. Тот, кто письмо читал, сдохмил: раз письмо про туризм, то министру туризма и решать вопрос. В таком уважаемом кругу министр не мог не решить дело положительно. Он кивнул помощнику. Помощник подбежал и на идеальном английском языке сказал, что ему нужно сделать копию с письма, а оригинал останется у министра. Я достал пачку копий, которые невозможно было отличить от оригинала, и этим насмешил представительное собрание. Помощник меня почему-то невзлюбил. Наверное, он рассчитывал кого-то другого посадить в экипаж, но министр уже распорядился. От помощника я с трудом добился ответа, когда и во сколько выезд, и на какой машине.

Караван на джипах в Эннеди.

На другой день, сначала в Эннеди, а затем в Нджамену отправлялся большой караван на джипах, который должен ехать по Сахаре может быть дней десять. Ура! В Эннеди! Да еще на самолет не опоздаю! Вопрос с подзарядкой тоже решился: у меня был схожий фотоаппарат с одним из французов, участником поездки. Журналист меня запросто выручил.

Церемония отъезда на тур потянулась долго. Караван кружил по поселку: мы заехали в музей, затем в местную администрацию, дальше к вождю, еще к военному майору, который благословлял нас речами, и в сопровождении двух машин автоматчиков выехали в пустыню. В составе каравана гости иностранных делегаций, несколько работников европейских посольств, четверо туристов за баснословные деньги и министр туризма со свитой. Цель поездки, как я понял, показать иностранцам достопримечательности в стране. Караван на большой скорости запылел по пустыне. Там, где местность каменистая, скорость снижается; на песках и даже на барханах машины набирают до 100 километром в час. Лихачат водители не безопасно, но за всю поездку ни одной аварии не произошло, хотя казалось: вот-вот.

Никто в Сахаре по картам не ездит, да и нет их в подробном виде. Первые машины ведут знатоки местности, которые не первый раз на маршруте. Маршрута как такого тоже нет, потому что нет ни дорог ни даже какой-нибудь писты. Популярными машинами в стране признаны Тойоты. На них была одержана одна из побед в войне между чадской и ливийской армиями в Сахаре. Нам встретились несколько поселений. Не все поселки возможно было запомнить. Но, думаю, мы поехали в Эннеди через оазисы Каура и Инти. Это география мало поможет следующему путешественнику, поскольку ни на каких картах эти поселки не обозначены. Забегая наперед скажу по каким местам, вернее ландшафтам, мы проехали потом в Эннеди: оазис Башикеле – вади Кеттара – гора Алоба – вади Нохи – грот Мандагили – гельта Аршей – скалы Шигеу – арка Адогому. Не уверен за последовательность названного маршрута, потому что многие места были неизвестными всем тем, с кем я общался.

Сначала Сахара была скучная и сероватая, но все больше стали появляться скалы. И, наконец, Эннеди – потрясающие душу ландшафты!!! Скалы стоят стенами, колоннами, куполами, башнями, отдельными пальцами высотой по 50 метров и более. Своим величием они поражают воображение. Известный всему миру национальный парк Йеллоустоун в США совсем уступает Эннеди и площадью, и необыкновенным рельефом, и красками, и мощностью пустыни. Американский парк подан в фотографиях во всех журналах мира; Эннеди, можно сказать, не тронут фотографиями. Мы его тоже не тронем. Потому что мчимся, как ошалелые в колонне на джипах, мимо потрясающих красот. Мы торопимся преодолеть большие пространства Сахары.

Как организовано путешествие? В колонне больше 20 джипов; два из них – охрана автоматчиков. День мы едем; иногда коротко останавливаемся. Невозможно узнать до какого пункта нам ехать. Наверно, уже по этой причине колонну нельзя встретить в прогнозируемом месте засады. Вечером перед темнотой встаем на ночлег в открытой пустыне; конвой отъезжает от нас подальше и выставляет караул. Иностранцев и всех гостей нужно накормить и уложить спать. В пустыне трудно с водой: вода затарена бутылками и флягами в автомобиле и рассчитана для питья. В крайнем случае, возможно чуть сполоснуть руки, а уж размыться только по возвращению – все это понимают. С нами повара... и в кузове путешествуют десяток коз и баранов. Овец или коз режут, снимают шкуры, разделяют, потрошат. Затем разжигают на взятых с собою дровах или на сушняке из пустыни костер и варят в котлах рис и мясо. Для кухни воду берут из немногих открытых водоёмов или из пастушеских колодцев. Еду подают церемонно в подносах, чтобы угодить гостям: гостеприимность. И не угождают. Мы пролетаем днем мимо самых красивых мест и на ночлег останавливаемся не в лучших. Много времени, тоже не в лучших местах, проводим в обед. Едим, пожалуй, лучше, чем надо, но на выдающиеся ландшафты смотрим на бегу или издалека. Здесь два мира не понимают друг друга: одним важна гостеприимность, другим важнее увидеть необыкновенный мир. Гость-турист поесть хорошо может каждый день дома, а в Эннеди ему посчастливится попасть только раз жизни.

Плато Эннеди поднимается до 1450 м над уровнем моря и занимает пространства примерно 250 на 180 км в длину и ширину. Кругом скалы, скалы, скалы. Иногда они образуют отдельные плато и хребты. Между скалами суровые почвы: глинистые сериры, галечные реги, песчаные эрги. Но на этих почвах не безжизненно. Наоборот, природа дышит жизнью. Пустыня такая же природная стихия, как тайга, как горы, как море... И еще, в пустыне из-за сухости очень здоровый воздух. Краски Эннеди контрастные: полыхают на закате оранжево-красные скалы, а между ними устроены желтые барханы или тянутся вадии – высохшие русла с белым песком. По руслу выступают кустарники и деревья с широкой зонтообразной кроной. Эта зелень тоже резкий световой контраст в пустыне. Отдельные акации забираются далеко в пески или на глину и показывают собой масштаб всего рельефа.

Мы углубляемся по долине и выезжаем на довольно большие ручьи, выходящие из скального ущелья. Машины буксуют, но пробиваются к воде. У воды прижавшись к огромным скалам стоят сплошной стеной необычные пальмы. Крона у них густая, лохматая, с запутанной шевелюрой. Их зелень над зноем и выгоревшими скалами выделяется как торжествующая

жизнь. Навстречу нашим машинам идут, вытянувшись колонной на километр верблюды-дромадеры. Сколько их? Может быть двести или триста. На Эннеди сотни стойбищ верблюдов, ослов, коз; они группируются вокруг двух десятков водоемов. Если вода где-то пересыхает, то пастухи пользуются колодцами или перегоняют на время скот от водоема к водоему. Растительность, бедная на глаз туриста, вовсе не бедная для неприхотливых животных. Чад – самая крупная страна мира, не имеющая выхода к морю. Но как парадокс, Сахара во многих местах скрывает подземные воды или даже подземные реки. Вода в некоторых местах выступает крупными озерами посреди песков и скал. В этих краях известны озера Унианга, находящиеся на северо-западе от Эннеди. За счет высоты плато, и из-за подземных вод на Эннеди не столь уж скудная растительность, хотя жара здесь часто достигает 50 градусов. Акации, дающие широкую тень, пальмы целыми рощами в расщелинах, кустарники с жестокими колючками встречаются нам по пути. И кочевья пастухов. Пастухи и пастушки из древних веков удивляются пылящему автокаравану и в застывшей позе провожают нас, пока мы не скроемся. Жилье кочевников в основном двух типов: или пальмовые хижины на деревянном каркасе, или шатры из войлока и шкур. Круглые хижины с конусообразными крышами хорошо вписываются в ландшафт. Около хижины висит вяленая на солнце баранья тушка. Такое мясо не портится, его можно подсолить и жевать в сыром виде, или также сварить при надобности. Козье и верблюжье молоко (скисшее или свежее) и мясо – основная еда пастушеской семьи.

Какие дикие животные могут обитать в Сахаре? На Эннеди в каньонах среди деревьев и пальм нередко встречаются обезьяны-бабуины, пантеры (разновидность рыси), дикие козлы, шакалы, грызуны и, конечно, змеи. Крокодилы тоже до сих пор встречаются. Мы увидели всю названную дичь, кроме пантеры. Небольшого крокодила в озерах Аршей видели два француза и гид, которые с вечера специально пошли на их поиски. Не всем известно, что в ледниковый период и позже Сахара имела другую климатическую полосу и была цветущим краем. Во всех десяти странах охватывающих величайшую пустыню встречается наскальная живопись древних охотников с изображениями жирафов, слонов, носорогов, бегемотов... Крокодилы сохранились в Эннеди с этой древнейшей поры.

Поздно вечером приехали в гельту Аршей – известное место. Конвой разъехался в разные стороны и выставил автоматчиков по обзорным точкам. У нас ужин и сон на коврах. И звездное небо Сахары! Из-за прохлады, подступающей к ночи и сухости воздух становится исключительно прозрачным. Лагерь наш устроен посреди ущелья в окружении громадных скал. В километре от нас гельта с водой: ручей выступает из-под скалы, идет через несколько небольших озер и снова малым потоком уходит под землю. Еще больше он испаряется от жары. Водоемов здесь несколько; скот может подойти только с одной стороны; в другую сторону поднимается скальный тупик. Этот водопой – маятник всей жизни ближайших окрестностей в радиусе на десятки километров. В лагере жгут костры, от которых подсвечиваются скалы. Даже для большого автокаравана местность вся становится таинственной. Водитель из нашего экипажа верит, что во многих местах здесь живут джины. Он сказал именно это слово: как в сказке «Тысяча и одна ночь». Кстати сказать, в нашем составе едут и мусульмане, и христиане, и несколько сочувствующих марксистов из

французов. Иногда караван делает в положенное время остановки, чтобы одним передохнуть, а другим совершить намаз. Марксисты выявились таким путем. Один из французов сказал, что меня зовут, как Путина. Я огрызнулся, сказав, что меня зовут, как Ленина. И между нами возникло понимание.

Утром иностранцев повели на заветную точку сфотографировать идущих по каньону на водопой верблюдов. Этот ракурс только и дается во всех журналах про Эннеди. Я отказался пойти со всеми и ушел к выступам по скалам, чтобы подняться наверх, сославшись на скалолазный опыт.

Обозрение сверху головокружительное! Плато красного песчаника имеет несколько провалов, образующих различной ширины каньоны. В каньонах гроты, пещеры, столбам-башнями выделены ворота. На скальных стенах и башнях выделяются балансирующие глыбы величиной с дом на несколько этажей. Вдали выпирает высоко дугой арка. Вчера мы останавливались под горой Алоба около арки высотой 80 метров и шириной не меньше 40. Арки поднимаются толстенными дугами или открываются дырой из огромной скалы. Все невообразимые формы скал творятся перепадами дневных и ночных температур и шлифуются ветрами. Изрезанный ландшафт этой пустыни кругом потрясающе красив. Но что такое два-три часа? По этому массиву и его каньонам нужен хотя бы трехдневный пешеходный маршрут. А сколько их здесь массивов выделяются на горизонте! В этой части Сахары мы двигались по пескам между скалами несколько дней.

Обратно в столицу.

Скалы Эннеди прерываются внезапно, и Сахара неожиданно принимает другой наряд, менее торжественный. Вся автоколонна подтянулась и на большой скорости понеслась назад в Нджамену, периодически меняя направления. Все только гадали, куда мы выедем: отказались от направления в Фада, не едем и в Абеше и вдруг движемся почти в сторону озера Чад. Действительно, через день на горизонте, ближе к вечеру увидели растрепанные ветром облака. Это испарения большой воды. Местность сменилась на выровненную; здесь окраина огромной впадины Боделе. Места на равнинах кажутся безотрадными, но верблюды и станы тут тоже встречаются. Бывает гладь без травиночки, чуть посыпанная песком, но дальше тянутся длинными полосами вади и по ним кустарники с акациями. Как много верблюдов в Сахаре, даже в безжизненной! Колодцы видны издалека – около них большое скопление всякого скота. Удивительно, что и коровы где-то находят себе здесь пастбище. Пастух идет около скота с автоматом Калашникова совсем не воинственно, как будто с посохом. Кстати, про автомат Калашникова: в нескольких странах он красуется на государственных гербах. А оружие и все вооружение вообще в Африке – это то, что стало не годным для более «цивилизованных» стран. И здесь, как на барахолке, и советское, и западное отжившее вооружение.

Нет никаких признаков дороги и от машин развеивается пыль трубой по пустыне. Так едем с небольшими перерывами сутки, вторые. На ночлег останавливаемся на идеально выровненной глади до горизонта. Как будто нивелиром выровнена земля. Поверхность присыпана всюду крупным, зернистым песком и вся с золотистым оттенком. Вечером чуть прохладно, нет даже лёгкого ветерка: в природе умиротворение. Наш караван заканчивает

возню и укладывается спать. Наступает абсолютная тишина, звенящая в ушах. Тишина – мечта жителя мегаполиса! Про пустыню часто пишут или показывают по телевизору страшилки: кругом кишат змеи, таятся пауки и скорпионы. Твари здесь не больше, чем на лесной тропинке под Брянском. Все участники вояжа спали на коврах под открытым небом и никому в голову не приходили мысли о змеях. Наверное, потому что не было возможности смотреть телевизор. Страшилки и ужастики в СМИ – это определённая идеология сегодняшней цивилизации.

Местность затем сменилась на сахель. Встречаются по пути дикие арбузы, пучками трава, другие кустарники и все те же акации. Но мы не выезжаем на дорогу, чтобы колонну не останавливали посты. И только после трех дней гонки с утра до вечера появился первый пост. Министр или не министр – проверяют всех! Любой деятель клана может объявить себя министром или генералом и поднять мятеж. Поэтому военные на постах подчиняются только президенту и у них полная власть на дорогах. Они ведут себя распоясано, как все привилегированные воины. Посты, посты, посты и мы наконец въезжаем в Нджамену.

У меня еще 5 дней в стране. Их тоже хорошо бы использовать с толком. Встретился вечером с Найбе и ее друзьями. Она говорит, что мне везет: много уже увидел в Чаде. В действительности мне везет, потому что помогает Найбе. Иногда мне кажется, выучившиеся в России люди (особенно в СССР) теплее к нам относятся, чем мы сами к себе. Найбе пришла с 7-летней дочерью. Папа у малышки и первый муж Найбе оказывается из Казани, т.е. россиянин. Дочь их скромная и очень-очень хорошая. Найбе, - я только заметил, - беременная, но по-африкански не замечает 45 градусной жары: бегаёт по работе весь день. Не собирается оставлять работу и после родов. Малышке-дочери я подарил налобный фонарик с напутствием: когда вырастет, пусть едет с рюкзаком путешествовать по России. Мы сидим в уличном кафе, все пьют кока-колу или пиво, а мы «русские» - натуральный сок из манго. Почему африканцы редко пьют соки? Мне ответили:

- Мы научились пить соки в России. А здесь нет такой культуры. Реклама показывает только пиво и колу.

За столом все вместе рассматриваем большую карту. Родственник Найбе художник Рой рассказывает о районе Тибести, куда бы там можно было съездить – он родом из поселка Бардаи. Но все соглашаются, что это не просто, даже для местного жителя, и дорого. Найбе подсказала мне всё про парк Бол, откуда отправляется транспорт на северную сторону озера Чад.

Дорога в Бол.

Утром еду на автовокзал. Там переговоры, ожидания и потом долгая дорога с постами. Сколько контролирующих бездельников режут в карты! И как все они похожи во всех странах повадками. Останавливался по пути на рынке, где докупал продукты в дорогу, в основном сухофрукты. Сухие финики для путника по жаре пойдут лучше всего. На базаре иностранца никто не обманывает, продают по ценам местных – верный признак непроторенной дорожки в туризме. Получил сдачи монетой большой величины, на которой изображена знаменитая красавица прошлого Битту Келлу. Оригинально! Проезжаем поселки и станы. У пастухов шатры, натянутые между акациями. На высоких ветках сложена копнами

солома, чтобы ее не доставали коровы и овцы. На обочине дороги не редко стоят девочки, еще даже не подростки, продающие в самую жару верблюжье и козье молоко в пластиковых бутылках.

Из Джерматии доехали до Массаета за 2,5 часа. Из Массаета на Масакуру на удивление положен замечательный асфальт ровно на 70 километров. На этом гладком отрезке я уже было размечтался скоро доехать до цели. Дорогу построили китайцы, которые не ездят по стране, но где надо строят. Вряд ли на сегодня есть страна в Африке, где не строят китайцы. Дорога – это сопутствующее строительство к нефтеперерабатывающему заводу. Бедные китайцы мучаются, готовят специалистов-переводчиков для работы в Чаде, а Россия их имеет в лице чадцев и никак не использует этот потенциал ни для себя, ни для Африки. Узнал удивительную цифру и про неё неоднократно переспросил у нескольких специалистов для достоверности: в СССР и в России из Чада выучились 2700 человек. Очень многие люди верхушки страны говорят по-русски; есть инициатива чадских бизнесменов сотрудничать с Россией, но... наша верхушка – не китайцы.

Дорога Масакура-Нгури ужасная, 90 км пути прыгали больше 6 часов. Пересекались в абсолютной пустыни со встречными джипами – плотность населения к великому озеру увеличивается. Затем побуксовали в барханах. Шофера часто спускают шины, чтобы легче ехать на полуспущенных баллонах по песку. У каждого шофера есть измеритель давления воздуха в колесах: они то спускают, то подкачивают баллоны в зависимости от вязкости песка. Машины у народа, конечно, не те, на которых мы ехали по Эннеди: совершенно музейные экземпляры. Но нагружены они больше турджипов. Кузов заполняется мешками, а сверху кучей сидят люди, держась за веревки руками. Народу облеплено наверху около 20 человек. Двое суток такой езды всем кажется делом обычным. Сидит женщина с грудным ребенком, она кормит его грудью на ходу, и никаких капризов у крошки. Этнографы пишут о наследственных африканских характерах, темпераментах или способностях к танцам. Никакой наследственности – все от жизни. Среди кустарников наш драндулет вдруг выехал на два брошенных танка, на одном из которых сидело несколько обезьян. В песках иногда обнажается на 2-3 км глиняная дорога и дальше снова едем по дюнам и вязкому грунту. Мне уже кажется, я еду этими дорогами давно и живу в Чаде долго: как сильно путешествие в необычной стране сгущает жизнь.

В Нгури приехали поздно вечером, и меня кто-то из поселкового начальства сразу послал с посыльным к «префекту». Надо сказать, у сахарцев очень длинные приветствия. Не со мной, конечно. Что взять с чужака? У префекта собралось несколько человек, и все сначала долго здоровались между собой. Потом был приготовлен ужин. Иностранец в Нгури - тоже, что инопланетянин в Москве и ужин был с изыском: верблюжатина с какой-то нежной крупой и салатом из манго. Кажется, я скоро разучусь есть ложкой. Все едят руками и мне уже привычно. Наверно мало кто знает в Европе или у нас в России, что руками ест половина населения мира. Предложил заплатить за еду: надо мной посмеялись. Ночевать хотели уложить на коврах в здании Администрации. Но я поставил палатку под навесом, там тоже настелены ковры.

Нгури архитектурой интересен, но страшно грязный, как большинство селений, которые пришлось уже увидеть. Дети 10-11 лет с утра идут с мисками попрошайничать еду у торговков или уличных кухарок. Я сфотографировал нескольких мальчишек, идущих гурьбой – они зло на меня посмотрели. В этом неосознанном отношении к туристу с фотоаппаратом есть возмущение социальной несправедливостью в мире. Кто из образованных людей (среди катающихся по Африке туристов, журналистов, обозревателей СМИ или дипломатов) хочет видеть причины и глубину унижения этих миллионов детей? Журналисты и толстокожие туристы едут в племена, лезут к ним в души и обязательно ищут особую таинственность, не замечая окружающей нищеты. Мистика – часть одурачивающей идеологии для отвлечения сознания от действительности, и турист с завернутыми мозгами едет в Африку в поисках обрядов. Он старается изо всех сил не замечать в лоб ему смотрящих бед и любоваться экзотикой (турист же в отпуске). Фотографии таких мальчишек на огромную стену зала и жирные физиономии богатейших олигархов мира по другую стену в Лувре или Эрмитаже – вот настоящее искусство! Или искусство то, вокруг чего щеголяет Бомонд? Нельзя показывать бедную и угнетённую завуалированным колониализмом Африку без противопоставления главных виновников. Или можно показывать только лучшее, что есть в Африке.

А лучшего много даже в Нгури. Много красивых и выразительных лиц. Много интересных и ярких характеров. И много добрых людей! Не тех добрых, которые любят только кошечек и собачек, а тех, которые сочувствуют и помогают друг другу в тяготах жизни. Женщины все в посёлке с открытыми лицами, несмотря на ислам; они на равных с мужчинами в общении. Детей много скромных. Они все по-взрослому работают: несут дрова, везут на осликах и тачках грузы. На окраине Нгури расположены большие огороды и на грядках тоже работают дети. Они получают мизерное образование в начальной школе, но их характеры и лица формируются сельским трудом необходимым для жизни в суровых условиях. Нет среди них циников и эгоистов наших; в глазах есть ум и сообразительность. Этим бы детям дать хорошее образование! Я всю жизнь водил школьников в походы. Походы просеивают малодушных, и иногда среди новичков проявляются крайне эгоистичные экземпляры. Им бы поменяться условиями жизни с африканскими детьми. Не хочу сказать этим, что давление нищеты создаёт более лучшие характеры, чем потребительская жизнь и идеология. По мне, и первое, и второе – крайности. На характеры, в первую очередь влияет полезный людям труд. И в истерзанной нищетой Африке дети в основном все – помощники своим родителям. И лица их соответственно у большинства с печатью натруженности, а не с капризной избалованностью.

Об архитектуре можно сказать, что она здесь тоже своеобразная, и смотрелась бы выразительней, если бы грязи было меньше. Стены домов строятся из самана-сырца и подняты очень высоко. Крыши проложены деревянными стволами, прутьями, камышом и обмазаны глиной. На них еще достроены борта. Крыши с бортами – это безопасный второй этаж, используемый для сна в прохладные ночи.

Уехать на следующий день из Нгури с утра рано не удалось, но может быть и к лучшему. В поселке рыночный день и со всех окрестностей потянулись с поклажами на верблюдах, ослах и даже козах пастухи и пастушки. Я голосовал на выезде в сторону поселка Бол и заодно

немало пофотографировал. Некоторые пастухи и крестьяне даже не понимали, что их фотографируют. Архаичность людей, следующих на рынок похожа на глубокую древность, а жителей Нгури по сравнению с прибывающими, можно назвать городскими. Есть страны, в которых фотоаппарат не хочется доставать по несколько дней. В Чаде через каждые 500 метров продвижения столбенеешь от картин. Многообразие народностей, их африканский образ жизни создаёт удивительные типажи: живописцу здесь застрелиться от впечатлений. Знаменитый художник Верещагин в XIX веке создал галерею образов Востока. Чад ждёт своих Верещагиных и не ангажированных (не нанятых) фотографов. Мир глобализуется и люди в нем обезличиваются до роботов. Чад остается пока самобытным. Необычных стран становится все меньше и меньше. Скажем, китайцы или даже индийцы, многое теряют у себя, стараясь подражать американизму: что Голливуд - что Болливуд. Необычные страны есть и среди не столь труднодоступных, как Чад, только туристские толпы о них не знают: например, Мьянма! Чем больше по ней колесить, тем больше встретится удивительного. Но потребительский мир толкает всех в раскрученные места, где барский сервис устроен по всем стандартам.

Ни одной машины в нужное мне направление; они съезжаются на базар в Нгури, который длится обычно до вечера. Уехать удалось к обеду на переполненном попутном джипе. Как многообразна Сахара! Сегодняшние картины, совсем другие чем вчерашние. Нашей компании из 20 человек, сидящих и висящих поверх грузов в джипе, вдруг открывается среди песков чистые озера с сочной растительностью по берегам. Даже не озера, а заливы с очень сложными береговыми линиями. До большого озера еще далеко, это лишь его первые признаки: вдаль все также красуется пустыня с огромными дюнами. Снова долгие пески... Машина наконец-то подъезжает к склонам и по пескам спускается в долину с густым кукурузным полем. Где вода – там более пышная жизнь. За кукурузой растут особенный картофель, лук, перец, кабачки и ещё какие-то культуры. Вдоль дороги два пастуха гонят стадо коров, рога которых не перестают удивлять величиной. Через час мы въехали в Бол – большой город по здешним меркам. Бол растянут по высокому берегу, но величия озера Чад с него не видно. Да и грязь города умаляет всякое величие.

Север озера Чад.

Пока не прицепился полицейский, лучше было с ближайшей лодкой уплыть на остров. На лодке человек 10 пассажиров и лодочник, загребаящий одним веслом, то с одной, то с другой стороны. Пассажиры черпают воду рукой и пьют из озера. В научной литературе про озеро пишут, что оно пересоленное и не пригодно для питья. Я тоже пью со всеми за неимением бутилированной, и вода совсем не кажется не питьевой. Едим же мы непонятную еду из супермаркетов с пестицидами, ГМО, разрыхлителями и прочим добром. Неужели вода, накапливаемая огромной рекой, хуже? Или неужели Cola лучше?

Озеро, подпирающееся Сахарой, выглядит грандиозно и спасительно. Между островами ходят пироги без моторов, но есть и большие моторные лодки. Удалось посетить три острова – кругом чисто и ожившая природа. На лодках и в плавь на острова завозится скот, который здесь обитает постоянно. Иногда можно наблюдать забавную для глаза туриста картину: на лодке сидит и гребёт одним веслом мужчина, а за ним плывут косяком коровы,

припряжённые верёвкой к малоустойчивой пироге. Женщины в цветных нарядах около хижин просеивают зерна сорго, я пробую их фотографировать. Всего несколько строений на острове, поэтому можно не бояться полицейских. Удалившись от жилищ, хорошо было вволю покупаться. После купания можно плыть дальше; через два-три часа всегда объявится попутная лодка, которую будут ожидать люди на берегу. Всего озера сразу не увидать. Только у мыса одного из островов открылась большая вода с безбрежными пространствами. Как бы не уменьшалось озеро Чад – оно великое! Оно источник большой жизни для четырёх стран у края Сахары. Кстати, если брать не историю людей, а ещё дальше в тысячелетия – историю Земли, то вода заливала когда-то и огромную впадину Боделе. Это общее озеро было нечто похожим на Каспий в Азии.

Северная часть озера – это бесконечная череда островов. Каждый остров похож на огромную дюну песка, выступающую из воды на несколько километров. Острова в отличии от плотнообжитого областного центра чистые. Их берега местами густо зарастают травой и высоким камышом, а иногда тянутся песчаными пляжами. Коровы здесь пасутся, как бегемоты, погружаясь до головы в воду. Таких островов с северной стороны сотни и на них тоже живут люди оторванной от всего мира жизнью. Только по озеру можно путешествовать бесконечно в этой стране, находящейся в сердце Африки.

В Бол удалось вернуться на мизерной лодке. Весь вечер гулял по городку, по базару, который, кажется, присутствует везде. Гулял по набережной, где стоят большие лодки. Народ в городке разноплеменный, это видно даже по одежде. Понравились арбузы, по вкусу они такие же, как раньше продавались в Узбекистане. Не могу привыкнуть к правилу, брать и подавать все правой рукой: левая рука считается не чистой. Интересно, что это правило распространено и во многих азиатских странах, особенно в буддистских. Ночевать в поселке без накомарной сетки невозможно – рядом озеро с камышовыми берегами. У меня хорошая палатка, но, чтобы не привлекать досужего внимания, поставил ее в гараже у водителя джипа, с которым на завтра был рейс в Нджамену. Палатку вообще ставить лучше в незаметных местах. И там, где безопасно тоже: придут зеваки, будут удивляться чужестранцу, о чём-то говорить и не дадут нормально спать.

Бол считается центром террористической организации Боко-Харам, хотя местные жители, наверно, удивятся, если им об этом сказать. У народа все катаклизмы объясняются одним словом: политика. Вспышка активности террористов была в 2015 году, но сейчас, по всей вероятности, вполне можно посещать этот городок более-менее ориентирующимся путешественникам. Ко мне подходил один какой-то странный тип ни с того ни с сего с возмущением, его тут же осадили солидные мужчины из мусульман. Чад, в принципе, не столь опасная страна сейчас, хотя по ней очень трудно ездить из-за полицейщины даже с пермитом. Гораздо труднее продвигаться в Нигерии, Конго, в сегодняшней разбомбленной Ливии, в ЦАР, Сомали, Эритрее, Южном Судане, Бурунди и даже по ЮАР, если там путешествовать не туром. В некоторых странах невозможно продвигаться только в Сахаре из-за кордонов и бандитизма (например, по южному Алжиру, северу Мали – после не столь давнего военного переворота, западным областям Судана). Но это состояние переменчивое: перемен к лучшему сегодняшний неокOLONIALИЗМ не обещает.

Не редко встречаются автомобили благотворительных организаций: Каритас, ЮНИСЕВ, Красный Крест и др. В Боле их особенно много. У них свои офисы за огромными заборами. Не за заборами живёт простонародье. По улицам бродит голодная детвора: лица в земле, одежда оборванная, мальчишки выпрашивают еду. Цивилизация живёт всеми недрами третьего мира и, разумеется, не хочет замечать нищеты огромных масс людей. Какая уже здесь медицина и образование. Зачем, такому городку столько благотворителей на дорогих джипах, нисколько не устраняющих нищету? Общее впечатление от областного города: грязные базары с нищими людьми и пылящие джипы. Притом много джипов от международных организаций. Можно сказать по-другому: Бол – город джипов и город голодных детей. Загородные сельские жители и поселения такого удручающего впечатления не производят. Прежде всего потому, что в этих селах почище.

Из Бола в Нджамену.

Из Бола обратно нужно было выехать до рассвета, чтобы к ночи добраться в Нджамену. Почти в темноте грузятся и перевязываются тюки. Усаживаются, кто где может, пассажиры молятся – и в дорогу. Многие места мы проезжали по другому пути, потому что дороги, как таковой, всё равно нет. Снова пески, глина, камни, иногда участками идут кустарники. Машина буксует, прыгает по камням, опять разгоняется. Когда одолели не меньше сотни километров, шофёр остановился около нескольких глиняных домов, построенных посреди пустыни, чтобы перекусить. Кто ест варёную кукурузу, кто в сухомятку лепёшку: еда простая. Пару человек купили себе Кока-Колу. Магазин в пустыне! На двух полочках размещены несколько пачек крупы, крупномолотая соль, сахар и Кола – вездесущий продукт. Кола в Сахаре: вот это менеджмент! Мы перекусываем, а рядом от нас метров в семидесяти вышагивает марабу ростом с мужика. Прилетают эти птицы, как мне сказали, с озера Чад. Поели и снова все мостятся на тюках: впереди худшая дорога в самую жару. Водитель включает в кабине дорожную музыку.

Хочется немного сказать о музыке, которую приходилось слышать не на фестивале, а повсюду находясь в пути. Рано или поздно громкая музыка надоест путнику. В одном месте на дороге южнее Нджамены я заскочил в большой автобус, следующий в ЦАР. Это, кажется, единственные большие рейсовые автобусы в стране. Они следуют маршрутом: Нджамена – Убанги. Там крутят не музыку, а мордобойные американские фильмы, орущие на полную громкость: распространённый по всему миру сервис. В дребезжащих микроавтобусах и на рейсовых джипах, в которые пакуются во внутрь и сверху толпы, водитель включает народные мелодии, очевидно по вкусу публики. В такой музыке больше человеческих чаяний и чувств, чем в попсе, зовущей в relax. Попса чаще звучит на торговых точках и в барах; также в дорогих машинах преуспевающей в бизнесе молодёжи. Подражательная Европе и Америке попса исполняется своими национальными группами. Народная музыка, уже потому, что она не подражательная, – близка простонародью, близка к их жизни. Она не примитивная, не одурачивающая и из неё выбираются музыкальные произведения, составляющие классику. В каждой африканской стране есть консерватория или музыкальный институт, и профессионалы-преподаватели всегда обращаются к истокам народных исполнений. То же говорил один музыкант-преподаватель, с которым мне пришлось общаться в культурном

центре Баба-Мустафа. При виде иностранца, шофер в машине, особенно, если он молодой, включает американо-европейские рок, реп или поп-музыку. Если его попросить сменить музыку на народную – он это сделает с удовольствием. Музыка в африканском общественном транспорте, если её сравнивать с российской, на много порядков выше вкусом, чем хриплый блатняк радио «Шансон» или «Дорожного радио». Африканские мелодии и особенно ритмы давно вышли за национальные и континентальные границы; они – часть лучшей мировой музыки.

Вечером и ночью по дороге к столице проезжали многочисленные посты. За день военные намаялись и проверяют пассажиров и их багаж довольно лениво. Больше смотрят на багаж. Если проверяют не очень обстоятельно, то все пассажиры в машине старались меня прикрыть, чтобы из-за иностранца не удлинять проверку.

Последний день в Чаде.

Приехал в хостел поздно и сразу намертво заснул. Утром понял, что путешествие окончилось и, что сегодня на ночь улетаю домой. Перегружен впечатлениями. В голове мелькают картины чужой страны, ставшие уже моей жизнью. Много людских образов перед глазами. Жара стала привычной и кажется, что я давно живу в Африке. Внутри прочно засело ощущение: Чад – одна из самых необычных стран в мире, не усреднённая глобализацией. Кругом много самобытного, хотя также много тяжелого и неустроенного. Если бы мне предложили побывать на Луне, или поехать в Чад, я выбрал бы снова Чад, чтобы побывать ещё на Тибести не туром. Надо поблагодарить Умара за перелет в Амджарас. Только теперь я понял, что и ему полковнику ВВС трудно было помочь мне из-за межклановых противоречий. Звоню ему:

- Умар, я хочу сфотографировать тебя в военной форме, ну и глядя в глаза хочу сказать спасибо. Приди, пожалуйста, прилично одетым, а не в трико.

Умар скромный человек и не важничает, не смотря на чин. Он запретил Найбе намекать о своем родстве с президентом. В Хостел пришел в военной форме и когда вокруг него забегала обслуга, он сразу их осадил. Во дворике хостела мы выпили по кружке чая и сидя за столиком я его сфотографировал.

- Как все-таки поблагодарить тебя за помощь? - еще раз спросил я Умара.

- Ты же уже сказал спасибо. Деньги я не возьму... Если хочешь, напиши в Сызрань в мое вертолетное училище. Напиши, что я очень благодарен своим преподавателям за учебу в России и, поэтому помог русскому путешественнику в Чаде.

Нельзя было не разволноваться от этих слов. Может быть от избытка впечатлений в путешествии просто сказанные слова подействовали на меня сильно. Для многих выучившихся в СССР и в России африканцев наша страна – вторая родина. В этом приходилось много раз убеждаться. Мне не помогли в Российском посольстве, но помогли Найбе и Умар – бывшие студенты нашей страны. В этом парадоксе много закономерности для сегодняшней жизни.

Вечером перед отлётом домой Найбе пригласила меня посидеть в кафе. С ней подошли её друг-художник, которого я уже знал и ещё один «русский». Второго звали **Зуфар**. Он

недавно ездил в Крым, в Одессу, где когда-то учился, и восторженно рассказывал о своём путешествии. Про Одессу он вдруг осёкся:

- Ты же из России, об Украине тебе, наверное, неприятно слушать?

- Почему же, у меня жена с Украины. Я люблю и украинцев, и россиян. Не люблю политиканов, как российских, так и украинских, которые сталкивают между собой народы; не люблю империализм.

Зуфар расспрашивал, где я был в Чаде.

- Тебе ещё надо встретиться с одним человеком. Он учился в СССР, а потом был послом Чада в России и хорошо говорит по-русски.

- Ты говоришь про Юсуфа Абассалаха, я знаю о нём, слышал много хорошего. Он у вас теперь министр горной промышленности, но его сейчас нет в Чаде. А что с министром у вас так легко встретиться?

- С ним легко: он любит Россию. Приезжай ещё в Чад, мы вместе к нему пойдём.

Зуфар отвёз меня с рюкзаком в аэропорт.

- У меня просьба, - сказал он напоследок. Напиши, как ты считаешь, что мешает развиваться туризму в Чаде? У нас много хороших отелей для туристов.

- Это и мешает, - рассмеялся я. Отели очень дорогие; ещё мешают военные посты.

- Всё равно напиши, по пунктам. Я с твоим письмом пойду к президенту!

Было удивительно, что у Зуфара столько энтузиазма.

Регистрация, досмотр багажа, паспортный контроль в аэропорту Нджамены такие же, как в Европе. Самолёт поднялся. Я уснул и проспал весь перелёт до Парижа. В Париже пересадка. Но там после Африки уже чувствуешь, что до дома – рукой подать.

Владимир Снатенков

Апрель 2019

Фото к рассказу можно посмотреть на сайте <http://www.snatenkov.ru> (http://www.snatenkov.ru/gallery/main.php/v/africa/chad_2018/) или в меньшем количестве vkontakte и facebook.